

Р.Р. Челахсаев

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ НАРТА БАТРАЗА

Р.Р. Челахсаев*

Аннотация. На широком историко-языковом материале рассматривается вопрос этимологии имени «Батраз» (*Batraz, Baturaz*), знаменитого героя осетинской нартиады, но также популярного среди современных осетин. Автор разделяет мнение исследователей, связавших происхождение имени Батраз с лексемой *batyr*, однако, отвергая тюрко-монгольский характер и самой лексемы, и рассматриваемого антропонима, выдвигает гипотезу о том, что разнообразные формы слова *batyr* восходят к древне-иранской лексеме *patar* `защитник, охранник, хранитель`, которая в алтайские языки могла быть усвоена в скифо-сарматскую эпоху (I тыс. до н. э. – первые века I тыс. н. э.).

Ключевые слова: Нартский эпос, Батраз, этимология, В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, лексема, антропоним, патороним.

1. Одним из главных героев осетинской версии Нартского эпоса народов Кавказа является сын Хамыца Батраз (*Batraz, Baturaz*). Рожденный чудесным образом и закаленный в кузнице небесного кузнеца Курдалагона, он предстает в эпосе могучим и неуязвимым витязем. Являясь воплощением идеала мужчины и воина, Батраз постоянно проявляет заботу о нартах, неоднократно спасает самых именитых из них от неминуемой гибели. Его превосходство над остальными соплеменниками как в воинской, так и в духовно-нравственной деятельности очевидно, и признается самими нартами. Совершив многочисленные подвиги и не имея равных среди людей, Батраз вступает в бой с небесными силами и погибает в этой борьбе. Сожалея о такой потере, Бог проливает три слезы, на месте падения которых возникают три святилища [1].

2. При этом этимология имени Батраз, как и некоторых других эпических персонажей, окончательно не определена, и предложенные исследователями гипотезы часто ведут в различные семантические плоскости. По поводу значимости решения данного вопроса В.И. Абаев отмечал: «Отнесение того или иного нартовского имени к тому или иному языковому и культурному миру, не решая отнюдь вопроса о происхождении данного сюжета или повествования, позволяет, однако, делать известные выводы относительно того, какие языковые и культурные среды участвовали хотя бы во внешнем оформлении этого сюжета или повествования. С этой точки зрения анализ нартовских собственных имен, ни в коей мере не покрывая собой проблемы нартовского эпоса в целом, является, однако, одним из важных и необходимых этапов на пути к научной постановке и разрешению этой проблемы» [2]. Сам В.И. Абаев полагал, что имя Батраз образовано из двух компонентов: тюрко-монг. лексемы `батыр` и этнонима `ас`, что значит `асский богатырь`. С его версией согласился Ж. Дюмезиль, выразив, однако, сомнения по поводу решения с окончанием имени. Разработчик концепции монгольского влияния на

Нартиаду Т.А. Гуриев считал имя Батраз монголизмом. В.А. Кузнецов, приведя весомые аргументы против «монгольского следа» в Нартском эпосе, в свою очередь предположил, что имя Батраз имеет «...тюркский (вероятно, болгарский или хазарский) характер». Г. Бейли сопоставил окончание имени с хотано-сакским *raza* (= *raza*) – «указывающий», «показывающий», и посчитал его персидским. Л.Г. Герценберг возводил это имя к древнеиранскому Веретранга, а П.К. Козаев к индийскому Натараджа. В.Б. Пфаф считал Батраза героем Патаром или Пандаром, известным Гомеру и Страбону. А.Р. Чочиев перевел имя как иранск. «юный-бог-воин». Ф.Д. Техов первую часть имени связал с инд. *bhata* – «воин», *bhatta* – «господин» или хотано-сак. *bata* – «доблестный», «храбрый». Особняком стоят ничем не аргументированные мнения Г.С. Ахвледиани и Э. Бенвениста, первый из которых считал имя заимствованным кавказским, а второй – просто неиранским. За пределами научной дискуссии находится перевод А.М. Гадагатля как адыгское «симметричноносый» и народное осмысление «очень правильный» [3].

3. Из предложенных трактовок наиболее реалистичными нам представляются те, по которым имя Батраз связывается с распространенной в некоторых языках лексемой *батыр / batyr* со значениями `удалец, храбрец, смельчак, витязь, отважный, решительный, доблестный` и т. д. Имеется необходимость уделить этимологии этой лексемы отдельное внимание.

Ее происхождение сводится к трем основным версиям – тюркской, монгольской и иранской. В этих языках лексема *batyr* и ее вариации охотно включаются в состав собственных имен фольклорных и исторических героев, имеются в титулах аристократов, присутствуют в современных патронимах и антропонимах: казахск. *Bulat-Batyr*, манс. *Madur-Waza*, польск. (из венг.) *Стефан Баторий*, монг. *Хабичи-Батыр*, *Сухэ-Батор*, фамилии Батыровы, Бетровы, Бетербиевы, собственные имена

* Челахсаев Руслан Романович – инженер-строитель, автор статей по актуальным проблемам осетинской исторической топонимики и ономастики и книги «Скифский звериный стиль и отдельные вопросы осетиноведения» (Владикавказ, 2013) (ruslanchelahaev@gmail.com).

Батыр, Батырбег и мн. др. Однако этимологизация лексемы *batyr* осложнена тем, что она обычно рассматривается в связке с близким по значению словом *bagatyr*, что отражает преобладающую точку зрения, по которой *bagatyr* представляет собой «полную» (следовательно, более раннюю), а *batyr* – «стяженную» (позднюю) разновидность слова. Возникновению подобных взглядов способствовало наличие в отдельных тюркских языках слова *batyr* с долгим корневым гласным *-a-*, возводимым к звуковому комплексу *-aga-*, и предполагающему цепочку *bagatyr – b:atyr – batyr*. Однако есть мнение, и об этом речь ниже, что, несмотря на некоторую схожесть, слова *bagatyr* и *batyr* генетически не связаны и независимо сосуществуют с глубокой древности [4, с. 92–93].

4. Наиболее детальные сведения о лексеме *batyr* предоставлены Э.В. Севортьяном в словаре тюркских языков. Ученый придерживался тюркской гипотезы ее происхождения выдвинул идею о производящей основе *bat-*: «Формы *ба:тыр – батыр – батур* и *батын*, возможно, также *батыл* позволяют выделить в них общую часть *бат-*, за вычетом которой остающиеся элементы можно было бы рассматривать как аффиксы» [5]. Данную идею развил Б.И. Татаринцев, допустивший некоторые «контаминации» и, в итоге, пришедший к выводу, что «...*batyr – batyr* обозначает смелого, дерзкого человека» [4, с. 94].

Приведенные исследователями аргументы в пользу тюркской этимологии слова *batyr* заслуживают внимания, но не исключают возможности рассмотрения иных версий. В частности, имеются исторические и лингвистические основания полагать, что данная лексема в алтайские и другие языки усвоена из древнеиранского.

5. Рассматривая этот тезис с позиций историзма, отметим, что, согласно письменным археологическим источникам, преобладающим этносом степного пояса Евразии с первой половины I тыс. до н. э. и вплоть до эпохи Великого переселения народов являлись племена, вошедшие в историческую науку как скифо-сарматские – североиранские по дислокации и восточноиранские по нынешней языковой классификации. Эти племена первыми массово освоили верховую езду и перешли к кочевому скотоводству как к наиболее эффективной форме производящего хозяйства в условиях степи. Американский иранист Р. Фрай по этому поводу отмечал: «Огромная область, простирающаяся от Алтая, или даже от Китайской стены до Трансильвании и Венгрии, обнаруживает следы определенного единства, причем выясняется, что иранские племена играли на этих территориях очень важную роль – по крайней мере в течение тысячелетия, предшествовавшего гуннскому нашествию первых веков нашей эры» [6, с. 222]. Подробная информация об истории североиранцев на востоке ареала их обитания, в зоне соприкосновения с древнемонгольскими и древнетюркскими племенами, в языках

которых слово *batyr* получило наиболее широкое распространение, изложена в одной из работ Н.Н. Лысенко. Регион, известный как Восточный Туркестан (запад и северо-запад нынешнего Китая), ученый предложил для I тыс. до н. э. именовать термином «Восточная Скифия», что, согласно письменным (древнекитайские летописи) и археологическим источникам, реально отражает этнополитическую ситуацию в данном регионе Евразии той эпохи [7].

Евразийский характер скифского мира и многовековое взаимодействие на этих просторах носителей восточноиранских языков с племенами иного этнического и расового происхождения создавали благоприятную почву для этногенетических процессов, которым, наряду с другими, способствовали субстратные явления, в том числе лингвистические.

6. С учетом исторических реалий наша версия этимологии лексемы *batyr* сводится к следующему: ее разнообразные формы – *batyr, bator, batir, patar, pettyr, patur, matir* и др. восходят к древнеиранской лексеме *pātar* «защитник, охранник, хранитель», производной от общеиндоевропейской основы *pa-* «охранять, защищать, пасти». Мы предполагаем, что в алтайские языки она могла попасть из древних восточноиранских языков, на диалектах которых говорили скифо-сарматские племена [8, с. 43–45].

Допустить возможность подобной этимологизации позволяют следующие основания. Во-первых, семантика древнеиранского *pātar* и различных, главным образом тюрко-монгольских вариантов слова *batyr*, достаточно близка. Причем в алтайских языках по мере их дифференциации произошло дальнейшее развитие начального значения иранской лексемы. Во-вторых, формальные критерии, фонетический и морфологический, находят полное обоснование на иранской почве. Согласно частотный ряд иранского *pātar* (*p-t-r*), термина *batyr* (*b-t-r*) и основы *batp-* в имени Батраз (*б-т-р*) практически идентичен (начальное *b-* в осетинском языке является, вероятнее всего, результатом диссимильятивного озвончения: иран. *panbak* «хлопок» – осет. *бæмбæг* «хлопок, вата»; др.-инд. *palasa* «листва» – осет. *bælas* «дерево»; русск. *полковник* – осет. *булкъон*; русск. *Петербург* – осет. *Бетъырбух* и др.). Что касается морфологического критерия, то О.Н. Трубочев, детально разобрав в одной из работ структуру авестийского *pātar* по линии словообразовательно-этимологических связей (исследуя при этом славяно-иранские лексические сходства), отмечал: «...все звенья иранского словопроизводства ясны шаг за шагом», и лексема *pātar* образована от засвидетельствованной в иранских языках основы *pā-* «охранять, защищать, пасти» и суффикса *-tar-* [9, с. 68–73].

Как видим, рассмотрение данного вопроса с позиций сравнительно-исторического метода в языкознании дает определенные основания предположить генетическую связь термина *batyr* с иранской лексемой *patar*.

7. Важным аргументом в пользу иранской этимологии представляется тот факт, что основа *pā-* в значениях, близких к понятиям 'охранять, защищать, пасти', имеется не только в древнеиранском, но во многих других функционирующих или вышедших из употребления индоевропейских языках. Например: др.-инд. *pati* 'бережёт, защищает', *go-pā* (часто встречается в «Ригведе») и *pasu-pā* – оба буквально 'защитник скота'; латинск. *pavi* 'пасти', *pabulum* 'корм, пища' (то, что служит для пастьбы). Из лексикона современных европейских языков можно добавить исп. *patron* 'хозяин, шеф' (из латин. *patronus* 'защитник, покровитель'); франц. *patrouille* 'небольшой отряд для наблюдения за порядком', *patronage* 'покровительство, поддержка'; польск. *patrzyć* 'смотреть, наблюдать', *pan* 'феодал, барин'; фин.-угор. *пан* 'шаман, защитник'. Возможно, к основе *pa-* восходит греко-латинское слово *pater* 'отец' (< 'защитник') и такие производные от него слова, как *patriot*, *patriarch*, *patricius* и др. Функциональность основы *pa-* в ряде индоевропейских языков подробно осветил в одной из работ В.В. Иванов, показавший, что в хетском, латинском, «тохарских», славянских языках в древности произошло сращение данной основы с общеиндоевропейскими суффиксами *-s* и *-sk-*, давшими формы *pās-*, *pāsk-*, но сохранившими первоначальное значение [10, с. 105–110]. После расшифровки хетских клинописных текстов стало известно, что формы с этими сросшимися основообразующими суффиксами были в употреблении уже во II тыс. до н. э. Из современных индоевропейских языков продуктивность основы *pa-* со сросшимся суффиксом *-s-* наглядно демонстрирует, к примеру, лексикон русского языка: пастух, пасти, паства, пастырь, Спас, спасать, спасаться, опасность, «пасти» (жарг. воровск. 'высматривать, подстерегать'). Приведенные сведения указывают на архаичность и общеиндоевропейский характер основы *pā*. Следовательно, допуская возможность отождествления *pātar* – *batyr*, можно с большой долей вероятности предположить, что в алтайских языках данный термин вторичен и воспринят из индоевропейского, конкретно древнего восточноиранского языка.

8. В осетинском языке, являющемся современной версией скифо-сармато-аланских языков древности и средневековья, помимо вышеупомянутых антропонимов и патронимов на основу *батыр*, привлекает внимание слово *хъæбатыр* / *qæbatyr* – 'храбрый, отважный'. В.И. Абаев возводил его к близкому по значению слову *бæгъатыр* / *bæğatyr* 'храбрый, богатырь', которое, по его мнению, в одном из диалектов осетинского языка в результате метатезы *bæğ* – *ğæb* дало форму *qæbatyr* [11, т. 1, с. 245–246; т. 2, с. 277–278]. Однако мы предполагаем несколько иную структуру данного слова, где *хъæбатыр* – результат сложения лексемы *хъæу* 'поселение, село, аул' (восходит к древнеиранскому *dava* 'скотоводческое стойбище' и унаследована осетинами от кочевого быта предков, когда

«селение было равнозначно временному кочевому стойбищу») и лексемы *батыр* 'защитник, охранник'. Т. е. слово *хъæбатыр* / *qæbatyr* означает 'защитник поселения', образовано по такой же схеме, как, например, др.-перс. *gau-pati* 'глава поселения' [11, т. 2, с. 300]. В многовековом процессе развития осетинского языка произошло смещение семантики слова *хъæбатыр* от первоначального значения к более общим понятиям – 'храбрый, отважный, герой'. В новое время слово вошло в состав таких культурных терминов, как осет. *Советон Цадисы Хъæбатыр* 'Герой Советского Союза', осет. *Социалистон Фаллойы Хъæбатыр* 'Герой Социалистического Труда', и это позволяет провести параллель с историей лексемы *batyr* в тюрко-монгольских языках.

Исходя из сказанного, если антропонимы и патронимы на основу *батыр*- критически могут быть трактованы как заимствованные, то предполагаемая этимология сложносоставного термина *хъæбатыр* дает, на наш взгляд, дополнительные основания причислить лексему *batyr* к исконному, иранскому лексическому фонду осетинского языка.

9. Выше отмечалось, что обычно слово *batyr* лингвисты рассматривают в паре с *bagatyr* по причине как семантической близости, так и наличия в некоторых языках формы *b:atyr* с долгим *-a-*, считающейся переходной и подразумевающей последовательность *bagatyr* – *b:atyr* – *batyr*. Однако есть также мнение, что происхождение этих слов различно.

Безусловно, этимологизация слова *bagatyr* – вопрос для отдельного, более детального рассмотрения. Вкратце наша версия генезиса данного термина сводится к следующему: это древнеиранское двусоставное слово, где иран. *bagā-* тождественно русск. 'Бог' и является славяно-иранской изоглоссой, а *-tyr* восходит к основе, фиксируемой в индо-иранских языках в словах со значениями 'спешить, стремиться к цели, энергично рваться вперед', напр. осет. *tyrnyn* / *turnun* 'стремиться к чему-либо, порываться' [9, с. 47–53; 11, т. 3, с. 342]. Важно, что древнетюркские и монгольские формы рассматриваемого слова *bagatyr*, *bagatur*, *bagatar* близки восточноиранским (осет. *bæğatyr* / *bæğatur*, по ИЭСОЯ) формам. Этот факт мы объясняем тем, что носители восточноиранских языков, в данном случае скифо-сарматские племена, с I тыс. до н. э. и до раннего Средневековья находились в непосредственном контакте и участвовали в этногенезе тюрко-монгольских племен Центральной Азии. Примечательно, что на северо-западных границах скифского мира, в языках древнеславянских племен, эта лексема также закрепились в форме, близкой к восточноиранской: русск. *богатырь*, укр. *богатыр*. Хотя это слово считается тюркизмом, есть вероятность, что в славянские языки оно усвоено от скифо-сарматов, первая массовая миграция которых «из глубин Азии» в Европу произошла в VIII–VII вв. до н. э.

Препятствием к восточноиранской этимологии слова *bagatyr* может служить мнение О.Н. Трубочёва, по которому «... слово *bagā*- ‘Бог’ не является типично восточноиранским термином», и его «... не знают современный осетинский и Авеста» [9, с. 52]. Действительно, в современном осетинском языке понятие ‘Бог’ выражается словом ‘Хуыцау’ (*хусау* / *хусау*, по ИЭСОЯ). Однако, лексема *bagā*- распознается в важном культурном термине *бæгæны* (*bægæny* / *bægæp*, по ИЭСОЯ) ‘осетинское пиво’. В новое время слово *бæгæны* закрепилось за всеми разновидностями пива, но дело в том, что с чашей этого напитка осетинами произносится главная молитва Богу во время обрядового пиршества, которое сопутствует всем значимым торжественным событиям как личной, так и общественной жизни. Английский ученый Г. Бейли осетинское *bægæny* этимологизировал как ‘напиток для богов’. В.И. Абаев предположил, что этот термин происходит от искаженного скифского названия конопли, которую якобы использовали для приготовления *bægæny* [11, т. 1, с. 244–245]. С «конопляной» версией не согласился осетиновед А.Ю. Мадзаев, в частной беседе выдвинувший аргументы в пользу гипотезы Г. Бейли. Во-первых, в нескольких вариантах Нартовского эпоса осетин запечатлен эпизод изобретения мудрой Шатаной напитка *bægæny*, и во всех случаях одним из ингредиентов является хмель, а не конопля. Во-вторых, исследователь привел фразу, отражающую важный постулат осетинской традиционной культуры: «*Ирон адæм Хуыцаумæ бæгæныйæ кувынц*» («Осетины молятся Богу с (использованием) *bægæny*»), что является прямым указанием на главное предназначение данного напитка. Доводы, указывающие на наличие древнеиранской основы *bagā*- в названии напитка, имеющего особо важное религиозно-обрядовое значение в традиционной культуре осетин, демонстрируют, что значение этой лексемы в осетинском языке полностью не утрачено.

Данные сведения позволяют гипотетически этимологизировать древнеиранское *bagatyr* при посредстве, в том числе, осетинского языка, и предположить дословное значение ‘устремленный, стремящийся к Богу’. Этот термин, судя по фактам, в древности встречался в именах представителей высшего слоя степной военной аристократии (осет. Ос-багатыр, монг. Субадуй-багатар и др.), получил из-за престижности широкую известность у различных этносов и, как нам видится, близок таким понятиям, как ‘стремящийся к совершенству, соблюдающий нравственный кодекс, рыцарь’.

Таким образом, по вопросу взаимосоотнесенности терминов *bagatyr* и *batyr* мы полагаем, что,

несмотря на произошедшее со временем семантическое сближение, этимология этих слов различна.

10. Возвращаясь к одному из главных героев осетинской версии Нартовского эпоса, еще раз подчеркнем, что разделяем мнение исследователей, связавших происхождение имени Батраз с лексемой *batyr* (что касается элемента *-аз* в имени Батраз, то в эпосе он распознается в таких именах, как Тотраз, Ацамаз и др., и вопрос о семантике данного элемента остается пока открытым). Однако предложенные ими трактовки подразумевали тюрко-монгольский характер и самой лексемы, и рассматриваемого антропонима. Мы предполагаем, что разнообразные формы слова *batyr* восходят к древнеиранской лексеме *patar* ‘защитник, охранник, хранитель’, которая в алтайские языки могла быть усвоена в скифо-сарматскую эпоху (I тыс. до н. э. – первые века I тыс. н. э.), когда ареал расселения ираноязычных племен включал Алтай и достигал границ Древнего Китая. При этом допускаем, что наибольшее распространение лексемы *batyr* связано с тюркскими и монгольскими племенами, т. к. в их языках она приобрела статус важного культурного термина.

Трудами В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева и других крупных ученых установлено, что генетические связи ядра Нартиады ведут в мир скифских племен, о котором красочно повествует в своей «Истории» Геродот. В процессе сравнительного анализа мотивов и сюжетов эпоса со сведениями письменных и археологических источников по истории скифо-сарматских племен, а также со сведениями по традиционной культуре и быту современных осетин, исследователями были выявлены нарто-скифо-осетинские сходжения, которые «...никак не могут быть результатом случайного совпадения» [12, с. 204–205]. А так как «батразовский цикл» является неотъемлемой частью ядра эпоса, отражающего реалии скифского мира, то искать истоки генезиса имени Батраз в среде тюрко- и монгольских народов, вышедших на широкую историческую арену на много столетий позже, не вполне убедительно, и иранское происхождение данного имени представляется более вероятным.

В эпосе основная функция Батраза (исключая мотив мести за убийство отца) связана с защитой как нартовского общества в целом, так и отдельных его представителей. Поэтому такое понятие, как ‘защитник’, вполне, на наш взгляд, соответствует эпическому образу Батраза, подтверждая закономерность, согласно которой имена мифо-эпических персонажей часто являются описательными (собственно эпитетами).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нартæ. Ирон адæмон героикон эпос.* – М., 1990, с. 286–289; 303–304.
2. *Абаев В.И. О собственных именах Нартовского эпоса // Избранные труды.* – Владикавказ, 1990. С. 245.

3. *Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы осетинской истории.* – Орджоникидзе, 1980. С. 23–25; *Туаллагов А.А. Нартовский Батраз и история христианства у алан // Проблемы осетинского Нартовского эпо-*

са. – Владикавказ, 2000. С. 226–227.

4. Татаринцев Б.И. Этимология тюркского названия бога-тыря // Советская тюркология, 1987. № 4.

5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б». – М., 1978. С. 84.

6. Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972. С. 222.

7. Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. – Санкт-Петербург, 2002. С. 26–28

8. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ, 2006. С. 43–45.

9. Трубачёв О.Н. Из славяно-иранских лексических отноше-

ний // Труды по этимологии: слово – история – культура. – М., 2004. Т. 2.

10. Иванов Вс. Вяч. К этимологии русского пасти // Сборник статей по языкознанию памяти М.В. Сергеевского. – М., 1961.

11. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Репринтное воспроизведение издание 1996 г. – М.: «ВИКОМ».

12. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. – Владикавказ, 1990, С. 245.

13. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён // Мир скифской культуры. – М., 2006. С. 31.

ON THE ETYMOLOGY OF THE NART BATRAZ'S NAME

R.R. Chelahsaev

Independent researcher (ruslanchelahaev@gmail.com).

Abstract. The issue of the etymology of the anthroponym **Batraz** (**Batraz**, **Batyraz** - a well-known character of the Ossetian Nartiada, equally popular among modern Ossetians) is considered in the extensive historical and linguistic material. Sharing the opinion of certain researchers who related the origin of the name **Batraz** with the lexeme "batyr", the author, however, rejects the Turk-Mongol nature of either lexical item or the anthroponym. The following hypothesis is made that various forms of the word **batyr** come from the Old Iranian **patar** 'defender', 'protector', 'watcher', which might have been assimilated by the Altaic languages during the Scytho-Sarmatian times (I millennia BC – first centuries AD).

Keywords: Nart Epic, Batraz, Etymology, V.I. Abaev, Georges Dumézil, lexeme, anthroponym, pathoronym.

REFERENCES

1. Nartæ. Iron adæmon geroikon epos. – М., 1990, s. 286–289; 303–304.

2. Abaev V.I. O sobstvennyh imenah Nartovskogo eposa // Izbrannye trudy. – Vladikavkaz, 1990. S. 245.

3. Kuznecov V.A. Nartskij epos i nekotorye voprosy osetinskoj istorii. – Ordzhonikidze, 1980. S. 23-25; Tuallagov A.A. Nartovskij Batraz i istoriya hristianstva u alan // Problemy osetinskogo Nartovskogo eposa. – Vladikavkaz, 2000. S. 226–227.

4. Tatarincev B.I. Etimologiya tyurkskogo nazvaniya bogatyrya // Sovetskaya tyurkologiya, 1987. № 4.

5. Sevortyan E.V. Etimologicheskij slovar' tyurkskihazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B». – М., 1978. С. 84.

6. Fraj R. Nasledie Irana. – М., 1972. С. 222.

7. Lysenko N.N. Asy-alany v Vostochnoj Skifii. – Sankt-Peterburg, 2002. S. 26–28

8. Kamolov T.T. Ocherk istorii osetinskogo yazyka. – Vladikavkaz, 2006. S. 43–45.

9. Trubachëv O.N. Iz slavyano-iranskih leksicheskikh otnoshenij // Trudy po etimologii: slovo – istoriya – kul'tura. – М., 2004. Т. 2.

10. Ivanov Vs. Vyach. K etimologii russkogo pasti // Sbornik statej po yazykoznaniju pamyati M.V. Sergievskogo. – М., 1961.

11. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. Reprintnoe vosproizvedenie izdanie 1996 g. – М.: «ВИКОМ».

12. Abaev V.I. Nartovskij epos osetin // Izbrannye trudy. – Vladikavkaz, 1990, S. 245.

13. Raevskij D.S. Oчерки идеологии skifo-sakских plemyon // Mir skifskoj kul'tury. – М., 2006. S. 31.

